
Денис Старый
Завет Петра 14
Мировое господство

Денис Старый

Завет Петра 14.
Мировое господство

«Автор»
2026

Старый Д.

Завет Петра 14. Мировое господство / Д. Старый — «Автор», 2026

Я очутился в прошлом — в теле умирающего государя. Ещё вчера я проводил аудит крупных компаний, а сегодня получил страну, которая пожирает сама себя. Вокруг — казнокрады, интриганы и те, кто мечтает изжить правителя со свету.Но я выживу, сломаю старые порядки, проведу реформы и построю сильную империю. Ведь теперь я — Пётр Первый.Вот только сначала нужно не дать себя добить.

© Старый Д., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 12
Глава 3 17
Глава 4 26
Глава 5 33
Конец ознакомительного фрагмента. 38

Денис Старый
Завет Петра 14. Мировое господство

Название: Завет Петра 14. Мировое господство
Автор(-ы): Денис Старый

Глава 1

Москва
9 мая 1727 года

Купцы волновались. Их не попросили прибыть на собрание — от них потребовали явиться, и многие этим были недовольны. Причём, если кто проявит строптивость, то купец этот лишится разрешения на торговлю. Теперь такое нужно было брать всем.

Так что прибыли, куда бы они делись.

Правда, власть тоже сделала уступку: не пришлось ехать в далёкий Петербург. Предоставлялось немало времени на то, чтобы прибыть.

Москва всё равно оставалась сердцем внутренней русской торговли, местом, куда сходились дороги и капиталы. Здесь были купцы из Новгорода, Нижнего Новгорода, Архангельска, Казани, Астрахани, южных городов.

Причём южане выделялись сразу: рядом с длиннобородыми русскими в старых кафтанах сидели люди в восточных халатах и тюрбанах. Бухарцы, хивинцы, торговые люди из земель Младшего и Большого жузов — тоже подданные или люди, всё теснее связанные с Россией.

Понадобилось почти полгода, чтобы собрать их здесь. Подготовка началась ещё до того, как Неплюев стал канцлером, но завершить дело предстояло именно ему. И завершить настолько основательно, чтобы государь не усомнился в человеке, которого назначил фактически вторым лицом Империи.

Иван Иванович Неплюев решительно вошёл в помещение, уже изрядно пропахшее потом, табаком. Он поморщился. Сам не курил, да и знал, что многие из купцов не приняли эту вредную, как говорил государь, привычку. По всей видимости, купцы таким образом хотели угодить хоть в чём власти, считая, что и сам царь курит, и все его слуги дымят. Значит, нужно показать, что и они слуги, готовы кашлять, краснеть и бледнеть, терпеть до рвоты, чтобы только покурить.

При появлении канцлера шум оборвался не сразу. Он словно прокатился по залу волной: сначала замолчали сидевшие ближе к дверям, затем увидели вставших те, кто находился дальше, и один за другим начали подниматься. Неплюев не торопился. Прошёл к возвышению, остановился возле длинного стола, положил перед собой папку и только тогда обвёл присутствующих взглядом.

Рядом стоял Скорняков. Он-то несколько растерялся от такого собрания и от того, что люди здесь выглядели, мягко сказать, непривычно. Привык молодой министр уже к другой атмосфере. Привык быть главным, а тут столько недовольных лиц уставились на министра, не понимая, кто он и что от этого человека во многом зависит экономическая политика государства. Молодой шибко.

Зал был набит людьми, которые привыкли считать деньги и не привыкли отдавать их без причины. И они ждали, что будут обирать. Ещё и нововведения... Купцы не успевали привыкать к одному, как, например, к отмене внутренних таможен, как уже вводились новые правила торговли. А они степенные люди, неспешные.

И именно поэтому разговор обещал быть напряжённым.

— Садитесь, господа, — сказал Неплюев.

Стулья загремели почти одновременно.

В первом ряду канцлер сразу заметил Акинфия Никитича Демидова. Тот сидел тяжело, основательно, широко расставив ноги, словно не во дворце находился, а у себя в заводской конторе. Лицо спокойное, борода ухожена, взгляд цепкий. Демидов не вертел головой и не

пытался первым привлечь внимание. Ему это было не нужно. В России мало кто из присутствующих мог разговаривать о железе, меди, руде и заводах с таким знанием дела, как он.

А ещё сильно злился Демидов, что его сорвали. Только-только он был готов отчитываться перед самим императором о добыче серебра и золота, и было чем порадовать монарха, чтобы получить какие-нибудь преференции за выполненную работу. А тут... пришлось срываться с Урала, когда обозы с драгоценными металлами только формировались, но лишь к началу лета должны были отправиться.

— Что ж такого важного, что вестовыми не сообщить? Или работы у нас нет, в разъездах пребывать постоянно? Меня только Ганнибал проверил, — возмущался Демидов, полагая, что только императору и под силу его прогнуть.

А вот канцлер... так меняются они, воры, часто. Чего церимониться и с этим.

Рядом расположился Матвей Евреинов — совсем другой человек: аккуратный, суховатый, по-европейски одетый, с тонкими пальцами, которые то и дело касались лежавшей перед ним записной книжки.

Он больше смотрел, чем говорил, и Неплюеву это нравилось. Иван Журавлёв, напротив, уже успел дважды что-то горячо прошептать соседу.

Данила Воронов сидел, сложив руки на животе, с выражением человека, который заранее подозревает государство в желании залезть в его кошель. Как-то и успел позабыть он, что государство дало Воронову возможности к росту и обеспечило в аренду сразу четырьмя большими галерами, бывшими когда-то шведскими. А вот он... Только раз и сходил морем в Стокгольм.

Планировалось же дальше идти, к англичанам торговать, к голландцам, чтобы перехватывать у них лидерство торговли с Россией. Но туда с неохотой собирался Воронов, выжидал, мерил терпение ревизоров государевых, когда они на него дело откроют. Взял же обязательства, а не выполняет.

А чуть дальше оказался Савва Яковлев — самый молодой из заметных участников собрания. На него многие старшие купцы посматривали почти с насмешкой, но юноша держался прямо и старательно делал вид, что этих взглядов не замечает. Мал, да удал. Открывает со своими партнёрами, которые тоже прибыли сюда, торговое представительство в Кенигсберге прусском.

Открывал... сейчас, с начавшейся войной, проект не факт, что будет возможен в ближайшее время. Но всё, он шевелится, хочет за пояс заткнуть других богатеев-купчин.

Неплюев выдержал паузу.

— Государь император повелел говорить с вами не о том, что Россия должна купить, — начал он спокойно. — Покупать умеет всякий, у кого есть серебро. Мы будем говорить о том, что Россия должна продать. И кому. А главное — кто из вас на этом разбогатеет.

Последние слова заметно изменили атмосферу. Кто-то улыбнулся. Кто-то подался вперёд.

— Ento слыхали ужо... не выходит, видать, — сказал Воронов.

Скорняков, стоявший немного сбоку, едва заметно усмехнулся.

— Это вы, господин Воронов? Вам я подписывал субсидии и ссуды... Где деньги?

Неплюев посмотрел строго на Петра Ивановича Скорнякова, всем видом показывая, что тот сильно вспылил. Не нужно сейчас подымать такие вопросы, особенно в присутствии других купцов. Да будь Воронов трижды неправ и даже вор, в обществе такого не признает и с пеной у рта, даже если ему грозит смерть, будет защищать себя. Ибо потерять имя — потерять всё, не только жизнь.

— Я! Да я ничем...

— Молчать! — прикрикнул Неплюев.

Гвардейцы подались вперёд, посматривая на канцлера и ожидая приказа. Любого приказа... пусть даже и залить просторный зал кровью.

Все замолчали. И взгляд Ивана Ивановича неглупые купцы и промышленники считали быстро. Этот не шутит, он может и строго.

— Начнём с Царьграда, — продолжил канцлер через некоторое время, словно бы и ничего не произошло. — Босфор и Дарданеллы отныне для русского купца не чужая калитка, возле которой сидит турок и решает, пропустить вас или нет. По выражению государя, это теперь русские ворота. И государь желает, чтобы через эти ворота пошёл русский товар. И пока желает, но сие не значит, что и дале будет так, чтобы то был русский купец. Не будет вас, будут другие.

Акинфий Демидов первым погладил бороду, было открыл рот, но промолчал. Заговорил Воронов.

— Ворота, ваше высокопревосходительство, хороши, — произнёс он осторожно и перед тем, как продолжить, коротко посмотрел на соседей. — Только возле всяких ворот мытарь сидит. Сегодня русский, завтра грек, послезавтра ещё кто. Купцу всё едино, кому платить, коли платить надобно.

По залу прошёл одобрительный гул. Неплюев не нахмурился. Именно этого он и ждал.

— Потому и говорим сегодня о пошлинах, Данила Иванович. Государь согласен предоставить русским торговым судам беспошлинный проход через Босфор и Дарданеллы. Боле того, надо и сопроводить флот наш дале.

Вот теперь зал действительно загудел.

— Совсем без пошлин? — громко спросил кто-то сзади.

— Не совсем, — ответил Скорняков прежде, чем канцлер успел повернуть голову. Он шагнул ближе к столу и положил ладонь на бумаги. — И вот сейчас, господа, начинается та часть разговора, которая вам понравится меньше. Беспошлинный проход получит русский корабль под русским торговым флагом, если не менее половины груза на нём составляет товар российского происхождения. Не важно, что это: сукно, железо, зерно, пусть и будет ограничен вывоз его.

Гул сменился сразу несколькими возгласами.

— Так это не льгота! Где набрать-то, — выкрикнул один.

— А ты, Никитка, ужо английский товар везти собрался по рекам да проливам в Венецию? Шустер, — сказал ещё один купец, и другие засмеялись.

А тот самый Никитка уже подымался, чтобы отвесить оплеуху шутнику. Никита Фролович Никодимов был огромный, как медведь, мог и зашибить.

— Ещё кто нарушит порядок, — тихо, но вдруг все замолчали, говорил канцлер. — Лишу того разрешения на торговлю, ревизоров неподкупных и разумников нашлю. Вот и поглядим, кто шутковать станет.

Молчание... угроза была куда как серьёзнее, чем и от Никодимова по зубам получить.

— Господа, — сказал канцлер уже жёстче. — Государь открыл проливы не для того, чтобы русский купец превратился в извозчика английского сукна. Корабли должны вывозить русское железо, пеньку, лён, полотно, лес, смолу, кожу, меха, зерно — всё, что мы способны продать. Скоро это и масло подсолнечное и рапсовое, и сахар будет, мёд, воск, готовые свечи, хмельное сколь угодно, покупая задёшево его на государевых винокурнях, по отдельному дозволению и оружие. Обратно везите что угодно законное. Хоть пряности, хоть кофе, хоть шёлк. Но Россия должна зарабатывать на выходе не меньше, чем на входе.

Акинфий Демидов наконец пошевелился. Медленно провёл ладонью по бороде, посмотрел сначала на Скорнякова, потом на канцлера.

— Железо я дам, — произнёс он низким голосом. — Много дам. Только скажите мне, Иван Иванович, как его до того вашего Царьграда довезти, чтобы оно по дороге золотым не стало? От Урала до Чёрного моря путь такой, что железо дешевле в Англии купить получится,

чем моё туда доставить. Нет, про то, что пороги на Днепре взорвали, все знаем, но Днепр ещё дальше от Урала, чем Волга. Да и по польским землям течёт.

— Вот, — негромко сказал Скорняков. — Наконец добрались до дела.

Демидов перевёл на него тяжёлый взгляд.

— А мы, Пётр Иванович, по-вашему, чем до этого занимались?

В зале засмеялись, негромко и осторожно. Скорняков улыбнулся.

— До этого вы торговались, Акинфий Никитич. Теперь считаете.

— Так купец, который не торгуется, долго купцом не пробудет, — сказал Воронов.

Но получил уничижающий взгляд от Скорнякова и явно не обещающий райских кущей от Неплюева.

«Точно пришлют проверку», — подумал купец Воронов и поник.

— Волго-Донский канал получает первоочередное финансирование. Проект уже готов, уже началась стройка. Немцев нагнали, турков, вольный люд, — сказал канцлер, возвращая разговор в нужное русло. — Государь требует ускорить работы. Но предупреждаю сразу: Демидовым отдельного канала не будет.

— А коли заплачу? — пошутил, а может, и нет, Демидов.

— А у тебя, Акинфий Никитич, что, лишние пять мильенов есть? Такой расчёт заложен на обустройство канала с Волги на Дон и с Камы, что тебе уже ближе.

Многие с большим интересом уставились на Демидова. Кто был на задних рядах, так и привстали на цыпочках, вытягивая шеи.

«Неужели у Демидова есть пять мильенов лишних?» — такой витал в воздухе невысказанный вопрос.

— Мне отдельного и не требуется, — Акинфий Никитич чуть прищурился. — Мне требуется, чтобы баржа с моим железом не стояла две недели потому, что какой-нибудь казённый писарь бумагу потерял.

— Вот с этим согласен, — сказал Неплюев. — Очерёдность прохождения будет определяться не фамилией владельца, а оплаченным грузовым местом и временем прибытия. Для железа, меди и иных тяжёлых грузов введём отдельные правила. Господин Скорняков подготовит.

Министр коротко кивнул и сделал пометку.

— И ещё, — продолжил канцлер. — Киев и Севастополь, Одесса получают большие складочные места. Не просто амбары. Таможня, охрана, конторы банка, весовые дворы, ремонт, места для перегрузки. Товар должен идти по Империи, а не лежать месяцами потому, что один приказ не знает, что сделал другой.

— За чей счёт склады? — немедленно спросил Воронов.

И покорил себя за несдержанность. Накликает беду...

Скорняков даже не поднял головы от бумаг.

— Вот теперь я узнаю русского купца. Своя мошна своею остаётся, — сказал Неплюев.

Снова раздался смех.

— За казённый — земля, дороги, охрана и основные сооружения, — ответил канцлер. — За ваш — арендуемые помещения сверх установленной нормы. Хотите собственный склад — стройте. Землю дадим в долгосрочное пользование. Но бесплатно дворцы для товара государь возводить вам не намерен.

Воронов недовольно поджал губы, но кивнул. Ответ был хотя бы понятен.

— А я другое скажу, — вмешался Евреинов. До этого он почти не двигался, но теперь закрыл записную книжку и положил на неё обе ладони. — Мы всё говорим: Царьград, Царьград. Хорошо. Но зачем нам останавливаться там? За проливами Средиземное море. Александрия, Смирна, итальянские порты, Марсель. Дальше океан. Если каждому идти самому, нас там передавят. Голландцы компанией торгуют, англичане компанией. Нам нужна своя.

— Правильно, Матвей Григорьевич. На севере есть такая, Ост-Индская с царевым капиталом. И она не работает на нас, не помогает, а на юге и такого нет, — сказал один из архангельских купцов. — Мне-то сие ново. Но коли входить в дела южныя, то знать повинны.

В зале стало тише.

— Какая именно кампания? — спросил Неплюев. — Таких нет. Но...

Он поднял палец кверху.

— Почему не создать? Вам. Или сие сделают купчины от османов, что в Царьграде остались. И назвать её...

Идею, которую, впрочем, уже вовсю обсуждали ранее в министерстве экономики, тут же подхватил Скорняков.

— Русская Левантийская компания. С капиталом купцов и правом привлекать деньги банка. Общие склады, общие представители в портах, свои корабли. Не монополия на всю торговлю, — сказал он.

— И берберских пиратов душить самим? Накладно будет, — резонно заметил Евреинов.

— Флот наш военный там службу нести будет. Надо — и берберов всех, алжирцев, прижмёт. Сие — дело государево. На том и слово моё, — сказал Неплюев.

— А потом эта компания начнёт нам указывать, почём товар продавать, — недовольно бросил Журавлёв. Он потёр большим пальцем край бороды и посмотрел на Евреинова. — Видали мы такие компании. Сначала вместе, потом пять богатых людей сидят и решают за остальных.

— А без компании, Иван Семёнович, — спокойно ответил Скорняков, — за вас будут решать пять богатых людей в Амстердаме.

Журавлёв хотел ответить, но Неплюев постучал пальцами по столу.

— Оба правы. Поэтому монополии не будет. Господин Скорняков, как сие зовётся по науке?

— Компания с открытым капиталом, — тут же подхватил министр. — Ограничение доли одного владельца. Отчётность банку. Право свободного выхода пайщика с установленным сроком. И никаких исключительных прав на весь русский вывоз. Хотите конкурировать с компанией — конкурируйте.

Евреинов задумчиво кивнул.

— Тогда можно работать.

— Можно будет работать, когда деньги внесёте, — поправил Скорняков.

— А вот теперь я узнаю русского министра, — невозмутимо вернул ему Евреинов прежнюю шутку.

По залу прокатился смех, и даже Скорняков несколько раз хлопнул ладонью по столу, признавая удар.

Неплюев дал людям отсмеяться.

— Тем более вам есть с кем работать уже сейчас, — сказал он. — И вот об этом многие почему-то забывают.

Скорняков поднял голову.

— Остендская компания.

Несколько купцов переглянулись.

— Та самая, — подтвердил министр. — Ост-Индская компания в Австрийских Нидерландах, которую государь прибрал к рукам. У неё есть корабли, люди, связи, опыт торговли с Индией и Китаем. Англичане с голландцами хотели её задушить — не вышло. Теперь тем более не выйдет. И государь спрашивает: почему русские купцы смотрят на готовый инструмент и не думают, как им пользоваться?

— Потому что там чужие, — буркнул кто-то. — И сказывали уже тут, что они не желают с нами быть. Посылал я своего приказчика...

Неплюев усмехнулся. Так-то он казался самым серьёзным на этом собрании. Но то, что ему доложили по ведомству Тайной канцелярии Антона Мануиловича Дивиера, касалось приказчика этого купчины.

— А ты своего приказчика в шею гони! — сказал канцлер. — Знаю я, мы много знаем, что в Европе творится, что порастратился он, долгов наделал, аккурат под залог договоров о продаже, да вернулся назад. Ещё и со срамной хворью.

Купец тот залился краской от обиды. А все вокруг смеялись.

— Убью, гниду! — выкрикнул он.

— Убивать не след. Отсылайте таких в Американскую компанию. Там негде гулять, пристроят к службе. И сами смотрите в ту сторону. Америка — вот где капиталы заработать можно, — говорил канцлер. — А приказчика того приведи сперва в Тайную канцелярию. Они его ищут. И, как видно, в Европе есть те, кто не против торг с нами вести. Нужно только не пьяниц и любителей срамных девок слать, а добрых мужей, с разумом в голове, а не в удах.

Все закивали головами, кто-то продолжал смеяться, но старался делать это тихо.

— Толку не будет. Успокоить нужно их. Давайте перерыв сделаем, да на пробу масло топлёное ореховое дадим, сыры, сахар... Пусть сами знают что-то из того, что везти за границу нужно.

Собрание обещало быть долгим. Ещё и трети вопросов не обсудили, которые должно. Потом работа в комиссиях, учёба, что обязательно. И сам министр будет рассказывать, как можно торговать, вести дела, бумаги, где в Европе и мире открыты порты и много ещё чего.

Глава 2

Вена.

9 мая 1727 года.

Конрад Александр фон Ротенбург вошёл в комнату и скупо поклонился человеку, который уже ждал его внутри, хотя нельзя было сказать, что по положению тот настолько превосходил тайного дипломата французского короля.

Начинать разговор с выяснения, кто здесь более титулован, Ротенбург, разумеется, не собирался. Оба мужчины прекрасно знали цену должностям, титулам и тому влиянию, которое не всегда прописывается в бумагах. Тем более что именно сегодня важнее действительно был тот, кто ожидал его в кресле у небольшого стола.

Важнее для Франции, для Австрии, для всей Европы.

Граф Филипп Людвиг Венцель как-никак являлся канцлером Священной Римской империи, а после последних событий его вес в Вене только вырос.

Если Евгений Савойский по-прежнему считался мечом и щитом Империи, пусть сейчас его всё громче порицали за отсутствие в столице и за то, что он со своим корпусом не отражал прусское нападение, а помогал русским добивать турецкую армию на Дунае, то Венцель оставался человеком, который здесь и сейчас держал в руках управление государством.

В первые дни и даже первый месяц после убийства императора Карла власть попыталась взять в свои руки вдовствующая императрица Елизавета Кристина, однако всем было понятно, да и она сама это чуть позже осознала: ей не хватало ни опыта, ни влияния. Женщина она была сильная, с крепким характером и если не стальными, то уж точно прочными нервами, но этого оказалось недостаточно для такого времени.

Затертая своим мужем, обвиненная в том, что не может родить мальчика-наследника, ее не любили. Людям свойственно искать виноватых везде и в каждом, только не в себе, ну и чтобы хоть сколько было логично.

Все ополчились против Австрии? Причины? На поверхности непринятие наследования австрийского престола женщинами, тем более девочкой малолетней. Генетика не была настолько развита, чтобы понимать: рождение мальчиков не зависит от матери.

Маленькая Мария Терезия, безусловно, подавала надежды. Уже сейчас девочка иной раз проявляла такую догадливость, что взрослые мужчины после разговоров с ней переглядывались и начинали тщательнее выбирать слова. Только она всё равно оставалась слишком юной, к тому же незамужней.

Европа могла сколько угодно именовать себя просвещённой, однако стоило кому-нибудь заявить, что людей следует судить исключительно по деловым качествам, не обращая внимания на пол, как любой властный мужчина немедленно начинал подозревать говорящего если не в безумии, то хотя бы в опасной склонности к философствованию.

Венцель указал рукой на кресло, даже не удосужившись встать при появлении гостя. Он ненавидел французов, которые только и ждали ослабления правящего австрийского дома Габсбургов, казались канцлеру стервятниками, лживыми и коварными.

Комната была небольшой и явно выбрана не для официального приёма: тёмные деревянные панели на стенах, тяжёлые портьеры на окнах, два глубоких кресла у накрытого белой скатертью стола, массивный шкаф и несколько серебряных подсвечников.

Свечей горело слишком много для такого помещения. Они давали хороший свет, но вместе с ним и дополнительное тепло, а в углу ещё и неразумно натопили печь. Жаркий вечер превратил коттедж на окраине Вены почти в баню, воздух стоял тяжёлый, душный, пах воском, вином, сухим деревом и едва заметно — потом людей, вынужденных весь день ходить в плотной одежде.

Но они терпели, истекали потом, как австрийская армия кровью, но старались не показывать и вида неудобства.

За окнами было тихо. Не та спокойная тишина загородного дома, которую обычно ценят после шумной столицы, а осторожная, напряжённая. Где-то далеко прошла лошадь, раздался негромкий стук копыт, затем всё снова стихло. Даже слуги передвигались почти бесшумно, и Ротенбург сразу отметил, что оба слишком внимательно следят не за вином и свечами, а за ним.

Если верить, что в аду исключительно жарко, то хозяева дома явно решили слегка приблизить гостей к вечности. Камин продолжал гореть.

Мужчины несколько секунд молча буравили друг друга взглядами. Между ними будто действительно пробежала невидимая молния, наэлектризовав всё помещение. Ни один не хотел первым показать ни торопливости, ни раздражения, хотя оба прекрасно понимали, что встреча может закончиться чем угодно — от соглашения до приказа схватить французского посланника прямо здесь.

Венцель первым нарушил тишину. Он положил ладонь на подлокотник и чуть подался вперёд.

— Я вас не звал, господин Ротенбург, — сухо сказал канцлер, пристально глядя на гостя. Его голос оставался спокойным, но в нём уже слышалось то раздражение, которое легко могло перейти в звериное рычание. — Но, как видите, встреча всё же состоялась. И предупреждаю сразу: если сейчас прозвучит хоть что-нибудь пустяковое, что меня не заинтересует, или вы предложите Австрии склонить голову перед Францией, Пруссией и Англией, я смогу гарантировать вашу безопасность только в пределах столицы. Ровно так, как и обещал. Не заставляйте меня пожалеть о данном слове.

Ротенбург едва заметно кивнул, фактически только глазами. Угроза его не удивила. Более того, он ожидал чего-нибудь подобного и даже был доволен: если канцлер решил предупредить, а не приказал выгнать его сразу, значит, слушать всё-таки собирается.

— Я прекрасно понял условия нашей встречи, господин канцлер, — ответил он спокойно и чуть склонил голову. — И могу заверить: ради пустяков я не стал бы искать человека, который ныне почти не покидает охраняемых помещений. Вы боитесь... Может и есть чего.

Венцель медленно прищурился.

Один из переодетых слуг возле двери чуть повернул голову. Венцель заметил это движение и едва заметно поднял палец, запрещая вмешиваться.

То, с чем Ротенбург пришёл, было настолько важно, что ради этой встречи пришлось раскрыть одного из французских агентов, через которого передали предложение. Если хотя бы половина того, что говорили о Венцеле, была правдой — если он действительно оставался расчётливым, холодным и рациональным государственным деятелем, — разговор не просто состоится. Возможно, к его завершению два человека, искренне ненавидевшие друг друга, если и не перестанут быть врагами, то хотя бы поймут, что у них появился общий страх.

Канцлер ещё раз указал на кресло напротив. Слуга тут же подошёл и налил гостю венгерского вина. Ротенбург проследил за его руками и вновь отметил выправку: движения короткие, точные, спина прямая, взгляд слишком внимательный. И этот человек, и второй у двери подозрительно мало походили на обычную прислугу. Скорее два офицера австрийской армии, которым на вечер велели снять мундиры и надеть ливреи.

«Боишься меня», — подумал французский посланник, принимая бокал.

На лице его не дрогнул ни один мускул. Он и не предполагал, что канцлер явится один. После убийства императора подобная беспечность была бы уже не храбростью, а глупостью, а Венцель дураком точно не был. Тем более, что груз ответственности лег на плечи австрийского вельможи.

В каком-то смысле именно канцлер теперь исполнял функции государя, хотя формально никто этого не провозглашал. По крайней мере до возвращения в Вену Евгения Савойского, который, если верить слухам, вёз с собой ещё и немалые трофеи русско-турецкой войны.

Конечно, все понимали: русские позволили ему взять эти трофеи не просто так. В Австрии почти не осталось людей, настолько приверженных русско-австрийскому союзу, как Савойский. Он едва ли не единственный даже сейчас отказывался всерьёз рассматривать возможность разрыва договора с Петербургом, и именно поэтому его возвращения в Вене одновременно ждали и опасались.

Ротенбург сделал маленький глоток вина. Сладость сразу легла на язык, и он едва не поморщился, но удержался. Сладкое вино... Это как шлюха в порту, никакого шарма.

— Позвольте узнать, господин канцлер, — произнёс он, медленно ставя бокал обратно, — как юная Терезия отнеслась к тому, что русские теперь властвуют на Балканах? На территориях, которые Австрия ещё совсем недавно могла бы считать своими.

Вопрос был настолько провокационным, что Венцель на мгновение перестал даже моргать. Ещё немного — и он мог просто встать, развернуться и закончить встречу прежде, чем она толком началась. Пальцы его медленно сжались на подлокотнике, суставы побелели.

— Вы начали опасно, господин Ротенбург, — произнёс канцлер после паузы. Он говорил негромко, но один из «слуг» возле двери сразу подобрался. — Я надеюсь, это сознательно.

— Разумеется, сознательно, — спокойно ответил француз и вновь поднял бокал. — Иначе зачем нам вообще тратить время друг друга?

— Тогда продолжайте, — Венцель чуть откинулся назад. — Пока продолжайте. Я еще не понял: вы безрассудны, и тогда вы не уедете из Австрии, или умны настолько, что прочитали меня, как книгу. И тогда... поживете немного.

— Позвольте промолчать, чтобы не обидеть вас, – сказал французский тайный агент.

— Ха! – усмехнулся канцлер. – Изящно вы сказали, что считаете меня прочитанной книгой. Но не будем об этом.

Ротенбург отпил ещё немного венгерского вина и даже поднял бокал к свету, словно изучал цвет напитка. Канцлер внимательно наблюдал за ним.

«Настолько хочет разговаривать со мной, что стерпел даже это», — подумал Венцель.

Для француза, привыкшего к винам южных провинций королевства, сладкое венгерское вино могло показаться почти дурным вкусом. Это было всё равно что предложить венский штрудель без орехов и сахарной пудры, да ещё начинить его самыми кислыми, неспелыми яблоками. Однако Ротенбург не просто пил — он всем видом демонстрировал, что даже такой пустяк не способен выбить его из равновесия.

— Безусловно, скрывать тут нечего, — наконец сказал Венцель и медленно провёл большим пальцем по краю собственного бокала. — Австрия весьма озабочена тем, что произошло на Балканах. Только, если говорить откровенно, нам пришлось выбирать, какая опасность сейчас важнее.

Он выдержал короткую паузу, позволяя словам повиснуть в душном воздухе.

— Вы. Пруссаки. Итальянцы, которых вы вооружаете и готовите к сопротивлению единственно законной власти австрийских Габсбургов. Англичане, которые вливают миллионы фунтов в то, чтобы европейцы снова поливали поля кровью, пока они на острове наблюдают. Вот что мы выбрали главной угрозой. Поэтому сейчас мы сопротивляемся вам.

Ротенбург медленно кивнул, словно полностью соглашался с этим выводом. Только глаза оставались холодными.

— Я понимаю вашу позицию, — сказал он и сложил руки на коленях. — Но вы ведь не прорицатель, господин канцлер. И всё же государственный деятель обязан смотреть вперёд. Какой вы видите Империю через несколько лет?

Венцель усмехнулся без всякого веселья. На лбу выступили мелкие капли пота, и он с раздражением провёл по виску пальцами.

— Весьма плачевной, если мы эту войну проиграем. Разве Франция не желает забрать Австрийские Нидерланды? Разве Пруссия удовлетворится одним успехом? Что делать с Фридрихом Вильгельмом, который сумел создать из маленького королевства огромного военного голема и почти напрямую заставил крестьян содержать её своим трудом? Если в его руках окажется Силезия, вы действительно полагаете, что он остановится?

Канцлер подался вперёд, и кресло под ним едва слышно скрипнуло.

— Затем Богемия. Саксония. Может быть, ещё что-нибудь. Зверь, который почувствовал кровь, не всегда умеет остановиться. Допускаю, что новые земли на время займут его силы, их ведь ещё нужно переварить. Но вы предлагаете мне поверить, что на этом всё закончится?

— Нет, — неожиданно ответил Ротенбург и чуть развёл руками. — Я предлагаю вам решить, какой зверь для вас опаснее.

Венцель прищурился.

— Вот теперь вы наконец подошли к тому, ради чего пришли.

— Именно, — француз поставил бокал. — Скажите тогда другое, господин канцлер. Почему вы не смотрите в сторону России как на угрозу?

Венцель замер. Даже один из слуг едва заметно поднял голову.

— Разве непонятно, что русские Балканы — это уже прямая угроза существованию самой Австрии? — продолжил Ротенбург, заметив реакцию. Голос его стал тише, но именно поэтому слова звучали ещё неприятнее. — Вы говорите о прусском короле, но почему думаете, что русский царь остановится? Дубровник и Черногория, Греция и Сербия... фактически уже его. Хорошо, допустим, это не ваше изначально. А дальше? Венеция? Турин? Милан? Что вы будете делать, если весь итальянский полуостров окажется под русским влиянием?

— Вы слишком легко раздаёте Петру чужие города, — сухо заметил Венцель.

— А вы слишком надеетесь, что он их не возьмёт, если представится возможность, — немедленно ответил француз.

Канцлер молчал. Разве он не думал об этом? Он просыпался от подобных мыслей в холодном поту.

Если коалиция будет разгромлена, в Вене сначала станут праздновать. Искренне. Громко. С благодарственными молебнами, вином, фейерверками и речами о спасении Империи. Но ненадолго. Очень скоро возникнет другой вопрос: кто после этого вообще способен будет бросить вызов России?

Никто.

И ладно бы речь шла о той России, которая существовала ещё несколько лет назад. По старым австрийским подсчётам, её мобилизационный ресурс не превышал миллиона человек. Много, чудовищно много, но всё-таки это предел всем силам. Русским требовалось держать войска на огромном востоке, следить за Швецией, пусть та теперь и сохраняла лишь внешние признаки самостоятельности, охранять тысячи вёрст границ.

Ещё недавно в Вене ожидали совершенно другого: после смерти Петра Россия должна была провалиться в дворцовые перевороты, а возможно, и в настоящую гражданскую войну. Трон шатался, наследование оставалось запутанным, слишком многое держалось на одном человеке.

Только теперь всё сложилось иначе. Россия уже могла поставить под ружьё людей куда больше, чем Австрия, а русская экономика, если верить докладам, за последние два года совершила такой рывок, что европейские спецслужбы внезапно начали смотреть на восток куда внимательнее.

Правда, смотреть оказалось мало. Русская Тайная канцелярия работала настолько эффективно, что покойный император Карл в какой-то момент лично приказал немногочис-

ленным австрийским агентам в России затаиться. Не вести активной работы. Не рисковать. Сначала понять, как вообще противостоять русской контрразведке, а уже потом снова что-то предпринимать.

В комнате стало особенно тихо. Свеча на столе коротко затрещала, и оба почему-то одновременно посмотрели на огонёк.

— Я предлагаю ускорить наш разговор, — произнёс Венцель после долгой паузы. Он взял бокал, но пить не стал. — Потому что, кажется, уже понял, зачем вы пришли.

Ротенбург слегка улыбнулся и устроился глубже в кресле.

— Тогда я слушаю.

— Вопрос состоит в том, какие границы Франция, Пруссия и Англия готовы признать за Священной Римской империей, — сказал канцлер. Теперь его голос звучал деловито, почти безэмоционально. — Признаете ли вы Прагматическую санкцию? Признаете ли существующий порядок власти в Австрии? Ответьте мне на это, и тогда я отвечу вам.

Ротенбург ожидал именно такого поворота. Конечно, никто в Вене не решится внезапно провозгласить европейское единство против России, если сама Австрия перед этим будет расчленена участниками антиавстрийской коалиции.

Австрия зажата, но ей нужно выбрать менее болезненные тески. И тут не все было очевидным.

— Король Пруссии ограничится Силезией, — сказал он. – Я почти могу это гарантировать.

Венцель сразу нахмурился и чуть наклонил голову.

— Почти... Только Силезией?

— Только ею, — подтвердил француз. — И вы должны понимать, что сейчас вам нечем прикрыть даже Саксонию с её умершим польским королём...

Ротенбург замолчал. Не случайно. Ему хотелось увидеть реакцию. Венцель медленно поднял голову. Взгляд стал совсем другим.

— Я полагаю, вы сейчас меня не обманываете? — спросил он через силу и медленно поставил бокал на стол.

Вот теперь француз понял окончательно: Вена ещё не знает. А знает ли Россия?

Все с ног на голову становится с этой смертью. Но Польша...

— Теперь еще и Польша становится зоной войны? Вы полагаете ее использовать против России? – спросил канцлер.

Сколько всего... Даже гибкий и быстрый ум Венцеля не мог сообразить, как поступать. Но предложение французов все больше начинало... Нет, не нравиться. Казаться рациональным.

— Война всех против одной России... – задумчиво и тягуче произнес канцлер.

Глава 3

Вена.

10 мая 1727 года.

Смерть Августа Сильного меняла многое. Речь Посполитая могла выйти из союзных отношений с Австрией, Саксония с новым правителем тем более не стремилась ввязываться в большую войну. Небольшая, но вполне боеспособная саксонская армия могла исчезнуть из австрийских расчётов, как и крепости, способные хотя бы сдержать Пруссию.

— Это меняет дело? — слишком поспешно спросил Ротенбург и тут же мысленно выругался. – Вы молчите, но смерть Августа, который не давал возможность возродить истинную Польшу, которая будет искренне ненавидеть Россию, многое меняет. А еще русским так отрезаются коммуникации. Они не смогут с севера действовать. Мы же и с датчанами попробуем договориться. И в Швеции, может так получиться, что найдутся здравые люди, любящие свою страну.

— Вы слишком откровенны.

— Я ничего не сказал вам такого... лишь предположения, не более.

Венцель заметил торопливость. Угол его рта едва заметно дёрнулся.

— Вы не ответили на мои вопросы, — жёстко сказал канцлер, мгновенно возвращая себе самообладание. Он поставил бокал чуть сильнее, чем требовалось, и вино плеснуло на стенку. — Силезия? Если это действительно единственный удар, который нанесёт Пруссия, то мы можем продолжать.

Француз едва заметно вздохнул.

— Господин канцлер, вы прекрасно понимаете, что с Австрийскими Нидерландами вам тоже придётся распрощаться. Иначе мой король Людовик не получает ничего. Тогда в чём для Франции смысл соглашения?

Венцель на несколько секунд прикрыл глаза. На лице ничего не изменилось, но правая рука на подлокотнике сжалась.

— Смысл в том, что Франция при таком исходе становится одним из лидирующих государств Европы, — произнёс он. Внутри всё сжималось, но внешне канцлер сохранял холодную решительность. — А моя держава всё равно окажется унижена. Даже одной уступки достаточно, чтобы это понять.

— Наше предложение прозвучало, — сказал Ротенбург и слегка наклонил голову.

— А Англия? — Венцель криво усмехнулся. — Неужели вы оставите её ни с чем? Это было бы слишком благородно для французской дипломатии: просто оставить, и даже не попытаться своего протестантского союзника обобрать.

Ротенбург позволил себе короткую улыбку.

— Отнюдь. И вы ошибаетесь в отношении французов. Мы верны своему слову.

— Вы не француз, – усмехнулся Венцель.

— Я подданый французского короля и на этот счет сомнений нет. Но позвольте вернуться к вопросу, о котором вы напоминали, – австриец все же торопился. – Весь флот Ост-Индской компании, которая сейчас неимоверно разрослась благодаря русским деньгам и политическому покровительству, отойдёт англичанам. Ну и Ганновер, конечно. Георгу, как мне порой кажется, достаточно дать гарантии безопасности его малой родины, чтобы он согласился почти на всё. Если бы не Уолпол, Англию временами вообще можно было бы не учитывать.

— Не стоит недооценивать Англию, — тихо сказал Венцель.

— Я и не недооцениваю Уолпола, — ответил француз. – И не говорите мне, что министр Уолпол – это не Англия. Слишком большое влияние имеет этот министр на короля Георга. Как вы... На австрийский трон.

Тяжёлое молчание повисло в комнате. Свечи потрескивали, одна потекла особенно сильно, и густая капля воска медленно поползла по серебряному подсвечнику. За закрытым окном снова послышался стук копыт, потом чей-то короткий окрик, и всё стихло. Слуга у двери оставался неподвижным, но Ротенбург заметил, что тот уже несколько минут держит правую руку слишком близко к полам ливреи.

Венцель прекрасно понимал, что ему предлагают.

И так же прекрасно понимал другое: русский Царьград, возможно, являлся не меньшей катастрофой для Австрии, чем потеря Силезии. Может быть, даже большей. Никто в Вене до конца не понимал действия Петра и не мог предсказать, чего он захочет через год. Сегодня он создаёт новые государства на Балканах, завтра вспомнит о славянах внутри владений Габсбургов, послезавтра решит, что русскому флоту необходимо постоянное присутствие в Адриатике.

Можно было надеяться, что русские вместе с австрийцами разгромят коалицию. Они уже показали, что воевать умеют. Правда, пока в Европе успокаивали себя тем, что Османская империя просто оказалась слишком слабой и русские лишь вовремя почувствовали эту слабость. Мол, любое серьёзное европейское государство могло бы сделать то же самое.

А если нет?

Если Россия и Австрия действительно победят всю коалицию, Священная Римская империя почти неизбежно станет вторым номером в этом союзе. Не вассалом, конечно. Никто не произнесёт такого слова вслух. Будут говорить о вечной дружбе, братстве оружия, общих интересах и взаимной безопасности. Только если однажды Пётр потребует, например, расширить свободы славянских народов внутри австрийских владений, кто сможет ему отказать?

Венцель посмотрел на сидевшего напротив человека. Впервые за всю встречу выражение его лица стало не канцлерским, а просто человеческим — усталым.

— Вы мой враг, — произнёс он неожиданно тихо.

Ротенбург не шевельнулся, только внимательнее посмотрел на собеседника.

— По крайней мере, враг, которому я могу сказать это в лицо, — продолжил канцлер и провёл ладонью по лбу. Его голос впервые за весь разговор дрогнул. — Уже одно это создаёт определённую свободу. Пётр тоже мой враг. Но ему я не могу сказать этого. Никто из нас не может.

Ротенбург чуть подался вперёд.

— Потому что он пока ваш союзник?

— Потому что он слишком сильный союзник, — резко ответил Венцель и тут же замолчал. – Потому что он отомстит нам всем. И не нужно, вот мой совет французским маршалам, думать, что Россия воюет со слабым противником. Османы были более чем сильны. Впрочем... Франция очень деятельное участие принимала в этой войне.

— И потому мы знаем силу русских. Потому я здесь, а не кричу, что мы одним своим видом способны уничтожить русских. Потому и вы со мной говорите, потому что...

— Мы все боимся Петра, – сказал Венцель и француз кивнул. — Проблема в том, что Австрия слишком много кого боится. Но с какими-то страхами нужно бороться.

Вот оно. Оба это услышали. И оба поняли. Канцлер тяжело поднялся с кресла.

— Я на вашей стороне, — сказал он, глядя уже не на француза, а куда-то поверх его плеча.

Последние слова дались ему почти физически тяжело. Венцель был уже не молод и умел прекрасно владеть собой, но сейчас сдержаться не сумел. Слёзы всё-таки выступили на глазах. Не истерика, не рыдание — просто две предательские дорожки, которые он не успел остановить.

Он резко отвернулся и пошёл к двери. Слуга тут же отступил в сторону, пропуская хозяина, и только теперь Ротенбург окончательно убедился, что под ливреей у того действительно спрятано оружие.

Канцлеру уже было всё равно, увидит ли француз его слабость. Дверь закрылась.

Несколько мгновений Ротенбург сидел неподвижно. Он слышал только потрескивание свечей и собственное дыхание. Потом медленно выдохнул и позволил себе почти незаметную улыбку.

Работы впереди оставалось чудовищно много. Никто не знал, что произойдёт после возвращения Евгения Савойского. Военачальник вполне мог не просто отвергнуть подобную линию, но и приказать арестовать канцлера вместе со всеми, кто решит видеть в русских не только союзников. Но сейчас один из двух, а возможно, уже и первый человек Империи фактически принял предложение.

Ротенбург взял оставленный бокал и посмотрел на багровое сладкое вино. Повертел его в пальцах, ещё раз понюхал и скривился уже без необходимости скрывать реакцию.

— Какая гадость, — пробормотал он с искренним отвращением.

Один из оставшихся в комнате «слуг» посмотрел на него почти оскорблённо.

Француз заметил.

— Ничего личного, — сказал Ротенбург и слегка приподнял бокал в его сторону. — Просто у каждого народа имеются свои слабости.

Слуга промолчал, но желваки на его щеках двинулись.

Ротенбург медленно вылил остатки вина прямо на белоснежную скатерть. Тёмно-красное пятно быстро расползлось по ткани, впитываясь в неё неровными краями. На белом оно выглядело почти чёрным.

Француз поднялся, поправил камзол и направился к двери. Уже взявшись за ручку, всё-таки обернулся.

Посмотрел на скатерть. Сомнений, что именно она ему напоминала, не возникло. Кровь.

И без этой крови разрубить гордиев узел европейских политических хитросплетений, похоже, уже не получится.

***

Москва.

10 мая 1727 года.

Собрание, а это называли Экономический Собор, шло второй день. Вчера были одни вопросы освещены, сегодня другие предстоит.

Можно было бы вложиться и в один день, но...

— Так не принято... так не гоже... а посидеть, попить, поснедать? Утро вечера мудренее... – и еще сотня отговорок, чтобы только не работать больше трех часов кряду.

Сорняков и Неплюев видели это и... Понимали, что приходится работать с теми, какие есть, но растить своих, выстраивать свои, государственные торговые компании.

— Может когда такие вот государевы Конторы появятся, и вы шевелиться станете? – чуть ли не кричал Скорняков.

Сегодня он осмелел. Он понял, что таком обществе не поставишь себя, так чем бы не назвался, министром, или еще каким вельможей с титулами, уважение у купцов не сыщешь.

И многим на это уважение наплевать. Многим... но Скорнякову такое было невыгодно по службе.

— Да не пужайте, господин министр, – Демидов, оглянувшись на честной купеческий и промышленный люд, чуть более заострив внимание на Татищеве – молодом, да дерзком начинающем промышленнике, на Строгоновых... – Не пугливыя тут. Пережили уже и голод, переживем и богатство.

Многие рассмеялись. Такой выпад против молодого, но, как оказалось, с характером министра, сразу давал авторитет Демидову, чуть ли не как лидеру.

— Господин Демидов, вы не забыли, что имеете уже концессии в этих Конторах? – встрял Неплюев, резко остужая пыл крупнейшего русского промышленника.

Многие купцы и промышленники посмотрели на Демидова, как на предателя. Тот замолчал. Крыть было нечего.

— Вернемся к проектам совместной торговли с Ост-Индской компанией, – возвращал в рабочее русло вторую встречу торговых и промышленных негосударственных людей Скорняков.

— Да что говорить, нет у нас моряков. Все на этом, – сказал Воронов и махнул рукой. – И с нерусскими дела вести – горе познать.

Неплюев усмехнулся. Вернулись к теме.

— Там есть разные, и честные тоже, — резко поправил Скорняков. — Капитан, который умеет довести корабль до Индии и обратно, мне пока дороже десяти патриотических речей о том, что он не русский.

Журавлёв нахмурился и подался вперёд.

— Пётр Иванович, вы корабли предлагаете строить. Хорошо. А кто на них пойдёт? Военный флот всех моряков выгреб. В Архангельске попробуй толкового штурмана найди — либо уже служит, либо цену себе назначает такую, будто он адмирал. В Царьграде теперь эскадра нужна, на Балтике флот нужен, в Севастополе нужен. А торговому человеку где экипаж брать?

Вот теперь зашумели особенно громко. Судя по всему, Журавлёв попал в больное место.

Скорняков переглянулся с Неплюевым. Канцлер едва заметно кивнул: отвечай.

— Нанимать, — сказал министр.

— Кого? — Журавлёв развёл руками. — Воздух?

— Голландцев.

Несколько лиц вытянулись.

— Шведов. Датчан. Немцев. Греков. Англичан, если английский моряк согласится служить за русские деньги. Хоть чёрта с рогами, если он умеет прокладывать курс и не сажает судно на мель.

— А русские где? — раздалось из середины зала. – Дайте таких, чтобы мы и договориться могли. Что с немчурой? И не поговорить.

Скорняков резко повернулся на голос.

— Учиться будут русские. А после их станет так много, что хватит на всех. Но торговать уже нынче же нужно.

Он выдержал паузу.

— В Царьграде откроем навигацкую торговую школу. Не для военного флота — отдельно для купеческого. Государь уже одобрил сам принцип. Хотите льготный кредит на корабль — извольте принять учеников. На каждом судне определённое число русских матросов и учеников штурманов. Через пять лет будете меньше нанимать иностранцев. Через десять, даст Бог, сами начнёте продавать их соседям.

— А до пяти лет? — упрямо спросил Журавлёв.

Неплюев впервые за несколько минут вмешался сам.

— Так сказано же... До пяти лет, Иван Семёнович, не брезгуйте людьми, которые умеют делать то, чего пока не умеете вы.

Журавлёв сжал губы, потом медленно кивнул.

— Разумно.

— И пираты, — вдруг добавил Скорняков. – Уже нынче есть в Петербурге и Риге пираты, бывшие, которые желают добрых дел.

В зале стало тихо. Демидов даже перестал гладить бороду.

— Кто? — переспросил Воронов.

— Пираты, Данила Иванович. Часть людей с Мадагаскара согласилась на амнистию. Те, кто не замешан в убийствах русских подданных и согласится оставить прежнее ремесло, получат возможность служить. Среди них есть отличные моряки.

— Господи помилуй, — перекрестился кто-то.

— На корабль разбойников? — возмутился Журавлёв.

— Бывших разбойников, — уточнил Скорняков. — И не капитанами вам их назначают. Матросами, боцманами, мастерами. Под надзором. А вы их учите жить по закону, они ваших людей учат морю.

— И ночью горло перережут, — мрачно заметил Воронов.

— Тогда не нанимайте, — пожал плечами Скорняков. — Государь даёт возможность, а не приставляет пирата к каждому купцу указом.

Смех на этот раз получился нервным.

Неплюев видел: идея многим не нравилась. Но и отвергнуть её окончательно никто не спешил. Купеческая натура боролась со страхом. Если человек умеет провести корабль через половину мира, то даже бывший пират внезапно приобретает вполне определённую стоимость.

— Теперь другой вопрос. Деньги, — сказал канцлер. — Государственный Коммерческий банк.

В зале словно сразу стало холоднее. Вот теперь начнётся настоящее.

— По царьградским займам шесть процентов — много, — сразу произнёс Воронов. Он даже не стал ждать пояснений. — Корабль строить долго. Потом снабдить. Потом товар купить. Потом море. Потом ещё неизвестно, вернётся ли. Шесть процентов при таком риске — государь простит, но это почти как ростовщику идти.

— Четыре хотите? — спросил Скорняков.

— Четыре.

— Три, — донеслось откуда-то справа.

Все засмеялись.

— А лучше, чтобы банк ещё и приплатил, — сухо заметил Демидов.

Неплюев посмотрел на Скорнякова. Тот спокойно раскрыл другую папку.

— Четыре процента, — сказал министр, и смех мгновенно оборвался. — Для тех, кто строит собственное торговое судно на русской верфи и обязуется не менее пяти лет держать его под русским флагом. Продали иностранцу раньше — льгота прекращается, разницу возвращаете банку.

Воронов перестал улыбаться.

— Государь уже решил?

— Государь предложил, — поправил Неплюев. — Решим после этого собрания.

Теперь купцы зашептались совсем иначе.

— Херсон? — спросил Журавлёв.

— Херсон, Севастополь и другие утверждённые верфи, — ответил Скорняков. — Чем больше построите, тем быстрее расширим перечень.

— А залог?

— Корабль.

— Один корабль?

— И товар первого рейса.

Воронов поморщился.

— Тяжко.

— Поэтому четыре, а не шесть, — отрезал министр.

Спор продолжался ещё минут десять. Купцы хотели уменьшить залог, Скорняков не уступал. Неплюев почти не вмешивался. Он прекрасно понимал: если государство возьмёт на себя весь риск, предприимчивость очень быстро превратится в искусство получать казённые деньги и красиво объяснять, почему дело прогорело.

Но настоящий шум поднялся, когда речь зашла о банковских билетах.

— Бумага? — Демидов впервые за всё собрание посмотрел на Скорнякова почти с недоверием. — Вы мне предлагаете железо продавать за бумагу?

— Нет, — терпеливо ответил министр. — Я предлагаю не возить серебро обозами от Москвы до Царьграда. Банк выдаёт расписку здесь, его отделение в Царьграде принимает её там.

— А ежели банк тот скажет, что бумаги не знает? – спросил Журавлев.

— Тогда управляющий отделением отправится считать деревья в Сибири.

Несколько человек хмыкнули.

— Бумага чем обеспечена? — спросил Евреинов. Он единственный выглядел не испуганным, а заинтересованным.

— Вы читали научные трактаты государя об экономике? – с уважением в голосе спросил министр.

— А то как же, – разгладим бритый подбородок, усмехнулся купец.

— Тогда много ответов там найдете и ценных советов. А мы обеспечим все... золотом.

— Каким? – прозвучал коллективный вопрос. – Что добывается в Миассе, на Урале, то все идет в казну, на армию и флот.

Канцлер посмотрел на него.

— Султанским золотом.

На несколько секунд наступила такая тишина, что стало слышно, как кто-то возле стены кашлянул.

— Значительная часть золота, полученного из султанской казны, поступает в резерв Государственного Коммерческого банка, — продолжил Неплюев. — Бумага банка является требованием к банку, а не обещанием неизвестного человека. Захотите металл — получите металл по установленным правилам.

Демидов задумчиво провёл большим пальцем по бороде.

— Если менять будут без разговоров...

Скорняков поспешил сказать:

— Будут на то государево слово. Кто откажет – тот преступник и можете жаловаться на него, в миг отправиться...

— Считать деревья в Сибири, слыхали уже.

Торговые и промышленные люди рассмеялись.

— А кто заплатит, если корабль утонет? — спросил Журавлёв.

— В каком смысле? — не понял Неплюев.

— В таком. Мы нынче красиво говорим про Средиземное море. А там корсары. Алжирцы, тунисцы, кто угодно. Корабль стоит денег, груз стоит денег. Взял я банковский заём, построил судно, нагрузил железом, полотном, пенькой. Его взяли пираты. У меня ни корабля, ни товара, а банку четыре процента плати и долг возвращай?

— Вот потому, — сказал Скорняков и медленно закрыл папку, — государь предлагает создать Морской страховой фонд.

Слово оказалось непривычным, но смысл поняли быстро.

— Платить ещё и туда? — немедленно спросил Воронов.

— Безусловно.

— Прекрасно! — тот вскинул руки. — Сначала банку, потом фонду, потом матросам, потом портовым, потом ещё Бог знает кому. Может, проще деньги сразу казне отдать и домой ехать?

Несколько человек согласно загудели. Неплюев посмотрел на него спокойно.

— Можно. Отдавай. И свое разрешение на торговлю и производство отдавай. И ступай себе с миром, – зло, теряя терпение сказал Скорняков.

Неплюев посмотрел на своего подчиненного с укором.

— Прошу простить, – повинился министр, но только перед канцлером.

Воронов осёкся. Угроза забрать разрешение на торговлю – это крах дела. Некоторые приглашенные на разговор торговцы даже чуть отодвинули свои стулья от Воронова, словно он бы прокаженным.

Неплюев же сказал:

— Но если желаете торговать, Данила Иванович, извольте понимать разницу между расходом и убытком. Страховой взнос — расход. Потерянный корабль без страхования — убыток. Государь предлагает вам разделить риск между сотней владельцев судов, чтобы гибель одного корабля не разоряла один дом.

Воронов потёр переносицу, потом бороду и нехотя кивнул.

— А сколько? Не серчайте, но спрашиваю для всего общества, – голос торговца уже не был таким самоуверенным.

— Это и предстоит рассчитать, — ответил Скорняков. — Причём часть страхового сбора будет направляться на содержание эскадры, прикрывающей русское торговое судоходство.

Вот теперь лица изменились. А на Воронова, пусть он и говорил то, что другие думали, смотрели, как на дурня. Мол, он не понял простого. Сами не поняли, но это ведь не важно.

— То есть платить будем за военные корабли? — спросил Журавлёв.

— За то, чтобы алжирец десять раз подумал, прежде чем полезет на ваше судно.

— Тогда другое дело, — неожиданно произнёс Демидов. — Если я плачу и вижу пушку, которая за эти деньги меня защищает, это не побор.

— Именно, — кивнул Неплюев. – И без ваших денег будут экспедиции флота и армии. Средиземное море нужно очистить от всех пиратов. Так что защита будет. На том держава наша строится. А вы более за все думайте, как и чем торговать, да не прогадать ни для своей мошны, ни для государевой казны.

— Но отчётность нужна, — добавил Демидов и прищурился. — Чтобы фонд не оказался бочкой, куда купец льёт деньги, а чиновник снизу дырку просверлил. Будет перед нами отчет? Какой есть слуга государев мы ведаем. Не всегда то персона честная.

В зале раздался одобрительный шум. Неплюев посмотрел на Скорнякова.

— Запишите. Ежегодный открытый отчёт фонда вкладчикам.

Министр записал.

— И выборных от купечества в надзор, — тут же добавил Евреинов.

Скорняков поднял голову.

— Вот вы уже и власть делить начали, – сказал министр.

— Не власть. Деньги свои считать.

Несколько секунд они смотрели друг на друга.

— Двое представителей от крупнейших вкладчиков, — решил Неплюев. — Совещательный голос и право знакомиться со счетами.

— Трое, — мгновенно сказал Евреинов.

— Двое.

— Тогда один от Москвы, один от Петербурга, один от южных портов.

Канцлер прищурился.

— Матвей Григорьевич, вы сейчас торгуетесь со мной? – с усмешкой, которая не предвещала ничего хорошего говорил канцлер. – Вы все, что? Разговор наш по-людски за слабость приняли? Так вот мой голос вам...

Тишина установилась такая, что пролетающая муха казалась шумом высокого водопада.

— Как сказано, так и будет. Много вольницы у вас было, и нынче она остается. Но утаивать подати государевы никто не станет. И что делать... коли не слушаете воли государевой, споры учинили, так ступайте ка вы прочь. Пусть останутся те, кто работать и службы служить хочет.

— Прощевайте, ваше высокопревосходительство. Бесы путают, сделаем, как есть, – после долгой паузы за всех ответил Евреинов.

Разговор, скорее теперь это был монолог министра Скорнякова, больше проходил уже без сопротивления.

Поговорили и о механизации, о том, что нужно обращать внимание на новые территории и заходить на них представительствами, пока еще император благоволит русскому купечеству.

И все находило отклик. Прониклись.

И почему в России зачастую бывает так, что не за совесть, а за страх? Но у нее же особенная стать.

В Россию можно только верить.

После него поднялся Евреинов.

— Я подготовлю проект Левантийской компании. Капитал, доли, управление, порты, предполагаемые товары. Через месяц представлю Министерству экономики.

— Через три недели, — сказал Скорняков.

Евреинов поморщился.

— Через месяц.

— Двадцать пять дней.

— Двадцать восемь.

— Хорошо.

— Вот видите, — Евреинов улыбнулся. — Вы тоже учитесь торговаться.

Журавлёв заявил, что готов заложить два торговых корабля, если получит обещанный четырёхпроцентный кредит и сможет нанять иностранных штурманов без лишней канцелярской волокиты. Воронов после долгого ворчания согласился войти в Морской страховой фонд, но потребовал прислать ему расчёты до первого взноса. Молодой Савва Яковлев ничего больше не говорил. Он сидел, быстро записывал услышанное и время от времени посматривал на Демидова. Неплюев заметил этот взгляд и почему-то подумал, что из мальчишки действительно может получиться что-то интересное.

Когда совещание наконец закончилось, купцы не бросились к дверям.

Вот это удивило канцлера больше всего.

Люди сбивались небольшими группами прямо в зале. Спорили уже между собой, считали что-то на бумаге, обменивались именами приказчиков, говорили о Херсоне, Царьграде, железе, кораблях, страховке. Евреинов уже держал Журавлёва за пуговицу кафтана и что-то доказывал ему насчёт будущей компании. Воронов стоял рядом и вмешивался. Демидов медленно шёл к выходу, но Савва Яковлев всё-таки набрался смелости и догнал его.

Акинфий Никитич остановился.

Молодой человек что-то сказал.

Демидов нахмурился, потом ответил. Савва снова заговорил.

Заводчик несколько секунд смотрел на него, после чего махнул рукой в сторону двери — иди, мол, со мной.

Они вышли вместе.

Неплюев проводил их взглядом.

— Вот ради этого, — тихо произнёс Скорняков рядом.

— Чего именно?

Министр кивнул на зал.

— Они после собрания не расходятся. Они считают.

Иван Иванович ничего не ответил.

Он смотрел на купцов, продолжавших спорить там, где государственный разговор уже официально закончился.

Пожалуй, Скорняков был прав.

Император требовал невозможного — заставить огромную страну двигаться не только потому, что её толкает вперёд его железная рука. Сделать так, чтобы однажды она начала двигаться сама.

И, может быть, именно сейчас Неплюев впервые увидел, как это может произойти.

Глава 4

Новомосковск.

Новомосковская губерния. Русская Калифорния.

13 мая 1727 года.

Дмитрий Прокофьевич Лаптев стоял на причале Новомосковска и наблюдал за тем, как разгружается очередной транспортник. Стоял хмурый, сосредоточенный.

Приход одного корабля в два месяца считался ещё недавно отличным результатом, почти праздником, благодаря которому поселение могло жить и понемногу развиваться. Сейчас же казалось, что, если бы сюда каждую неделю приходило по одному судну, и этого было бы мало.

Но аппетиты, как известно, растут во время еды, а желание получить как можно больше ресурсов возрастало вместе с самим городом, который уже никто, кроме совсем упрямых канцелярских крыс, да и то в далёком Охотске, факторией не называл.

Лаптев тоже давно привык говорить «город», хотя всякий раз, произнося это слово, невольно оглядывался, будто проверяя, действительно ли несколько улиц, верфь, церковь, склады и острог уже заслужили столь громкое название.

Заслужили. Ибо и улицы были в полсотни домов, частью которые были построены из дерева, но двух-, даже трёхэтажными, с квартирами. И склады немалые. В остроге своя жизнь, казармы, свои склады и несколько домов для администрации.

И это если не считать того необычного для русского глаза зрелища, которое раскинулось далеко от города. Тут были шалаши-вигвамы, полуземлянки, где жили разные люди, по большей части индейцы, что пристроились к русскому городу и уже вливались в его ритм, работу, чётко отслеживая графики выдачи еды.

Но главным центром притяжения и для русских колонистов, и местных был порт. Он уже мог одномоментно принимать сразу три корабля, так сказать, был «на вырост». Тут же были таверны, сразу две. И несмотря на то, что в городе и его окрестностях была налажена работа и не так и много людей могли праздно шататься, питейные заведения почти всегда принимали гостей.

Дорого тут, да. Но и денег в Новомосковске было как бы не больше, чем в средней руки русском городе в европейской части России. Причём чаще расплачивались золотом. И таверны приносили администрации города такие прибыли, что их можно было смело сравнивать пусть с одним золотым рудником. Но ведь золотым!

Впрочем, заработал небольшой винокуренный завод, который и был главным поставщиком выпивки в таверны, и первые урожаи худо-бедно собрали. Но, наверное, важнее было то, что местные племена стали город неплохо снабжать едой, прежде всего дичью. И с индейцами не было нужды торговать золотом или серебром. Они охотнее всего брали железные предметы.

Так что и две кузнечных мастерских, способных разрастись в заводы, работали. Не нашли тут хорошей железной руды, но выход был. Севернее, в губернии-колонии Николаевской, где в честь святого Николая был назван город Николаевом, была руда. А в Новомосковске, бывшем Петрограде, но по велению государя переименованном, была и небольшая гребная эскадра, и два фрегата работали на постоянной основе для Русской Америки. Так что железо было.

Но чего не было тут, так холодов. И с торгового судна под Андреевским флагом как раз продолжали разгружать лёд. Матросы вытаскивали тяжёлые, обмотанные рогожей глыбы из глубокого трюма, где те лежали вперемешку с опилками, соломой и войлоком, и передавали дальше по цепочке.

Люди работали привычно, без отдельного понукания, и Лаптеву не требовалось отдавать указания: часть льда сразу отправляли в большие земляные ледники, вырытые на склоне выше пристани, часть — в погреба госпиталя и магазинов. Всё равно по дороге растаяла едва ли не

половина груза, а вокруг каждой выгруженной глыбы уже текли ручейки драгоценной воды. Дмитрий несколько секунд следил за одним особенно крупным куском, с которого капало так щедро, словно казна сама утекала между досок причала, и недовольно дёрнул щекой.

— И половины льда до тебя не довезли, — сказал Алексей Ильич Чириков, стоявший рядом с губернатором Новомосковской волости, сиречь всей Русской Калифорнии, и с сожалением посмотрел на мокрые доски причала. Он говорил спокойно, но при этом привычно щурился на судно так, словно всё ещё мысленно проверял осадку и состояние рангоута. — Жарко. А лёд, зараза, сам себя холодить не желает. Я ему объяснял всю дорогу, что он казённый и обязан терпеть, да он, видно, государевой службы не уважает, — добавил капитан и кончиком сапога подвинул щепку, мешавшую ему стоять.

— И на том спасибо, — с мрачным выражением лица ответил Лаптев и провёл большим пальцем по небритой щеке. Это движение у него давно стало привычкой: если Дмитрий начинал тереть подбородок, значит, считал, прикидывал и почти наверняка находил повод быть недовольным. — Соли у нас не достаёт. Было бы лучше соли, конечно, вместо льда. Ну хоть и немного можно будет сохранить рыбы и мяса в ледниках. А то добываем достаточно, а сохранить не можем. Смешно выходит: вокруг океан, рыбы столько, что рукой лови, а в реках как форель идёт на нерест, то сама выпрыгивает на берег, икры много. И олени по холмам ходят, коровы расплодились, а зимой опять начнут вопить, что жрать нечего, — закончил он и тяжело вздохнул, провожая взглядом очередную мокрую глыбу.

Чириков усмехнулся, но возражать не стал. Он прекрасно знал, что Лаптев не преувеличивает. Новомосковск рос быстрее, чем кто-либо рассчитывал, и уже давно перестал быть аккуратной деревянной крепостью с несколькими складами, кузницей и десятком изб. От старого острога остались стены внутреннего двора, две рубленые башни и массивные ворота, которые теперь находились почти в центре поселения и смотрелись странно, словно старый дед, случайно оказавшийся посреди шумной ярмарки.

Сам Лаптев этот острог любил именно за его нелепую старомодность и несколько раз запрещал разбирать одну из башен на брёвна, хотя плотники уверяли, что дерево пропадает зря.

За острожной стеной стояла небольшая церковь с недавно обитым железом крестом, рядом тянулись казённые дома, контора губернатора, оружейная мастерская, госпиталь и длинный двухэтажный магазин, где держали меха, железо, зерно, порох и товары для обмена.

Ниже, ближе к бухте, раскинулись верфи. Два корпуса новых судов чернели среди деревянных лесов, вокруг визжали пилы, стучали топоры, пахло свежей смолой, красным деревом и морской солью.

Порт гудел, туда-сюда сновали и русские люди, и причудливо одетые или почти раздетые индейцы. Все гомонили, а матросы транспортника уже устремились в таверны, с большим энтузиазмом собираясь оставить немало своих денег в Новомосковске. Который, за неимением иного, стал центром Северного Тихого океана, столь быстро и качественно осваиваемого русскими.

Город жил своей жизнью. Где-то кричала женщина на мальчишку, который пытался тащить с рыбного ряда копчёную тушку, а возле мастерской два плотника яростно спорили, кто вчера оставил долото под дождём.

Новомосковск уже насчитывал несколько тысяч человек, если считать не только русских. И именно поэтому город выглядел так, как не мог выглядеть ни один город старой России. По улице мог пройти бородатый помор в домотканой рубахе, следом за ним — алеут с костяным гарпуном, потом двое кашайя с огромными корзинами за спиной, после чего из-за угла выкатывался приказчик в парике, ругающий грузчиков за то, что те снова перепутали бочки с дёгтем и китовым жиром.

Над всем этим звонил церковный колокол, кричали чайки, лаяли собаки и на трёх языках торговались из-за сушёной рыбы. Лаптев давно научился определять, где именно началась ссора, по громкости: если кричали русские — спорили о цене, если кашайя — чаще о земле или родстве, а если алеуты молчали, но вдруг начинали очень внимательно смотреть на собеседника, тогда Дмитрий предпочитал подходить сам.

Эти тихие, но тихо и прирезать могут, случалось. И не всегда понятно, что же так задело аборигена, что он решился и чужую жизнь забрать, и со своей распрощаться. За любое убийство русского подданного, даже если он с красной кожей и бегает без портков, — смерть.

— Город у тебя, конечно, вырос, — сказал Чириков, оглядываясь, и усмехнулся. Он снял шляпу, провёл ладонью по лбу и тут же надел обратно, не любя стоять с непокрытой головой даже на жаре. — Год назад было место, куда человека отправить — значит, за что-то сильно на него обидеться. А теперь смотри. Скоро кабаки начнут на каждом углу ставить, — продолжил он, покосившись на ряд новых домов у дороги.

— Уже начали, — мрачно ответил Лаптев и указал подбородком в сторону крытого тесом дома возле дороги. — Вон тот вчера закрыл, — добавил губернатор, и уголок его рта чуть дёрнулся.

— Разорился? — спросил Чириков и сразу оживился: чужие хозяйственные бедствия почему-то интересовали его почти так же, как морские карты. Он даже повернулся к указанному дому всем корпусом.

— Нет. Я закрыл. Там хозяин воду в водку лил. Ещё и индейцам без меры наливал. А у нас с этим строго — они быстро становятся пьяницами и уже не оттянуть от бутылки, — сказал Лаптев и посмотрел на капитана так, будто ожидал безусловного понимания. — Найду кого смышлёного на замену, так открою.

Чириков несколько секунд молчал, потом медленно поднял брови.

— За это кабак закрывать? Дмитрий Яковлевич, так ты всю торговлю уничтожишь, — с нарочитой серьёзностью сказал он и покачал головой, словно столкнулся с вопиющим нарушением естественного порядка вещей.

— Он слишком много воды лил, споил многих работников. Город мог превратить в сборище пьяниц и бездельников. Это ещё пусть Богу молится, что на золотые рудники послал чёрным рабом, а не убил на месте, — пояснил Лаптев и развёл руками, будто это объясняло всё на свете.

— Тогда другое дело, — удовлетворённо ответил Чириков и важно кивнул.

— Что с островом Куааиа... чёрт ногу сломит с этими названиями гавайцев, — прямолинейно и неожиданно спросил Дмитрий Лаптев.

Он уже знал в подробностях, порой и разбавленных фантазиями людей, что произошло на том острове, где служил его младший брат, Харитон. Знал и так волновался, что при встрече с братом сам себе дал зарок разбить тому рожу. Учудил Харитоша...

— Да всё там нынче хорошо. Не так, как у тебя, но вполне. Вот и сахарный тростник высадили, и эту им привезли... гевею. На кой нужна, не знаю. Но сказывали, что сам император о том требовал, — Чириков посмотрел на Дмитрия Лаптева, понял, что не о том интересуется губернатор. — Нинуа, та, суженая брата твоего, она поехала в Петербург. Всё с ней было хорошо, видел её ещё в Охотске полтора месяца назад. И с ребёнком всё будет... Как Бог даст.

— А насчёт брата моего не слыхать? — уже не скрывая интереса, спрашивал Лаптев.

— А тут кто как говорит, да больше сказывают, пусть того и не ведают в точности, что государь был настроен повышение дать Харитону. А коли казнить желал бы наш батюшка Пётр Алексеевич, так зачем брата твоего почитай восемь месяцев изматывать поездкой до Петербурга.

— И то верно... Как же далеко мы с тобой добрались, на край, — сказал Лаптев.

Они замолчали, продолжая наблюдать за разгрузкой корабля.

В этот момент от пристани вверх тянули лошадьми тяжёлые телеги. На одной лежали железные полосы, ящики с гвоздями и двумя новыми токарными станками, обратно на корабль грузились мешки ржи, муки и гороха. Но продовольствия было мало. Очень мало.

Лаптев уже мысленно подсчитал, что привезённого зерна хватит Новомосковску недели на три, если не отправлять ничего дальше на север, а отправлять придётся обязательно. Он терпеть не мог такие подсчёты, потому что они неизменно заканчивались одним и тем же: людей становилось больше, а мешков с зерном почему-то не прибавлялось от одного государственного оптимизма.

— Ты мне лучше скажи, почему хлеба так мало? — спросил Чириков. — Аляска просит зерна вдвое больше.

Лаптев развёл руками, но перед ответом всё же машинально посмотрел на судно, будто от взгляда корабль волшебным образом наполнится продовольствием.

— Потому что все просят от меня зерно, горох и остальное. Все... и Охотску тоже подавай, с испанцами велено пока что дружбу вести и ни в чём им не отказывать, пока силы не накопим вдоволь и два фрегата не достроим. Вот, ты привёз часть пушек, уже проще, — говорил губернатор.

Чириков сделал шаг в сторону Лаптева, приблизившись к нему очень близко, и заговорщицки начал говорить:

— От испанцев как раз... Мы заходили в их порт три недели назад. Ты должен знать, что в Тихий океан вошли три английских мощных фрегата. Куда они пойдут, зачем здесь? Этого никто сказать не может.

— Ещё и такой напасти мне не хватает, — сокрушался губернатор.

— Да будет тебе... Что же там с твоими урожаями? Почему ты не можешь прокормить Север? Мне же нужно будет генерал-губернатору Берингу докладывать. Вот смотри, — Чириков стал загибать пальцы. — Камчатка просит. Охотск просит. Аляска просит. Может, пора уже у испанцев закупаться? Все знают про золото, уже не скрыть, слухи разошлись.

— Может, и пора... А урожаи... тут же совсем всё иначе. Не посеять весной, чтобы осенью собрать. Не приноровились. То солнце сожжёт поля, то дожди непрекращающиеся придут.

Там, за частоколами дальних усадеб, за хаотично поставленными вигвамами, начинались поля. На первый взгляд картина казалась вполне благополучной: золотились полосы пшеницы, темнее стояла рожь, зеленели огороды, на дальнем склоне паслось большое стадо коров. Но губернатор видел не красивую картинку, а цифры.

Пшеница на одном поле уродилась неплохо, на двух других ветер прибил её к земле. Рожь вымахала высокой, но колос оказался жидким. Горох пожрала какая-то мелкая местная тварь, которую русские дружно называли сусликом, совершенно не интересуясь, суслик это вообще или не суслик. Капуста росла превосходно, репа тоже, но одной репой людей и корабли не накормишь.

И это ведь первый более-менее урожай. Раньше сажали весной, а летом всё сгорало. Нынче сеют в иные времена.

— Мы землю неправильно понимаем, Алексей Ильич, — продолжил Лаптев после паузы и сердито пнул носком сапога щепку, валявшуюся на причале. — Тут не Россия. И не Сибирь. Зимой вода льёт, летом дождя почти не дождёшься. У моря туман такой, что рубаха мокрая, а земля под ней сухая на палец. Чуть дальше от берега солнце всё сжигает. В низине зерно гниёт, на холме сохнет. И ветер. Господи, этот ветер! — Он раздражённо махнул рукой в сторону полей. — Я скоро прикажу каждого крестьянина к земле цепью привязывать, чтобы вместе с урожаем не унесло.

— А местные как живут? — спросил Чириков и, заинтересовавшись, перестал улыбаться. Он прищурился на дальние поля, словно рассчитывал увидеть там ответ.

— А они пшеницу не сеют, вот как живут, — ответил Лаптев и хмыкнул. — И чем дольше я здесь, тем больше думаю, что дураки в этой истории не они, — добавил он уже тише.

Он махнул рукой проходившему мимо человеку. Тот был невысок, широкоплеч, с длинными чёрными волосами, перевязанными кожаным ремешком. На нём была русская рубаха, но штаны и мягкие мокасины оставались местными. Мужчина остановился и вопросительно посмотрел на губернатора, при этом не снял с плеча плетёную сумку с рыбой — Койо отличался практичностью и никогда не делал двух лишних движений, если можно было обойтись одним.

— Койо, подойди, — позвал Лаптев и махнул ему ладонью. Когда тот приблизился, Дмитрий указал на Чирикова. — Это капитан Чириков. Большой морской человек. Иногда даже туда плывёт, куда хотел, — сказал он с таким серьёзным лицом, что шутку можно было заметить только по блеску в глазах.

— Иногда. Обычно посылают, — невозмутимо подтвердил Чириков и слегка поклонился, поправляя ладонью полу камзола.

Койо улыбнулся. Всего за год русской речи он выучил достаточно, чтобы понимать не только приказы и торговлю, но и шутки.

Он происходил из кашайя — народа, чьи земли начинались севернее бухты и уходили вдоль берега, туда, где высокие деревья стояли стеной, а скалы падали прямо в океан. Русские сперва упорно называли всех окрестных людей просто «индейцами», потом «здешними», затем, после нескольких крайне неприятных недоразумений, начали наконец разбираться.

Оказалось, что единого народа вокруг Новомосковска нет: севернее жили кашайя-помо, южнее — прибрежные мивоки, восточнее, за холмами и большой долиной, встречались другие помо, патвины, нисенаны и ещё десятки групп, между которыми существовали старые торговые связи, родство, обиды, священные места и собственные границы, невидимые русскому глазу, но оттого не менее настоящие.

Ещё труднее оказалось понять, что никакого «главного царя индейского» здесь тоже не существовало. Почти каждая большая деревня жила своей общиной, имела старейшин, людей, отвечавших за церемонии, охоту или переговоры.

Один человек мог быть влиятельным настолько, что его слушали несколько соседних поселений, но приказать всем кашайя или всем мивокам он не мог. Для русских чиновников, привыкших искать воеводу, князя, старосту или хотя бы самого крикливого мужика, подобный порядок первое время казался издевательством над государственным устройством. Лаптев даже завёл отдельную тетрадь, куда записывал, кто с кем родственник, кто с кем не разговаривает и кому нельзя по ошибке подарить одинаковые ножи, потому что из этого однажды уже вырос трёхдневный спор.

— Скажи ему про зерно, — попросил Лаптев, повернувшись к Койо и указав большим пальцем на Чирикова. — Почему ваше зерно лучше нашего?

Койо нахмурился, потом терпеливо поправил губернатора, подняв указательный палец:

— Наше не зерно. Жёлудь, — сказал он медленно, будто объяснял очевидную вещь ребёнку.

— Вот! — воскликнул Лаптев и поднял палец уже сам, словно только что получил подтверждение важнейшей государственной мысли. — Я ему второй год объясняю, что мы жёлудями империю кормить не можем.

— Можно, — совершенно серьёзно ответил Койо и чуть пожал плечами, не понимая, в чём вообще проблема.

Чириков рассмеялся и пригладил ус.

— Дмитрий Прокофьевич, похоже, государственное хлебное дело сейчас будет пересмотрено, — сказал капитан и покосился на приятеля с явным удовольствием.

Койо не понял причины веселья и начал объяснять дальше, загибая пальцы. Жёлуди здесь собирали осенью огромными количествами, сушили, хранили в поднятых над землёй плетёных

кладовых, потом дробили. Горечь выводили водой, промывая муку, после чего из неё варили густую кашу или пекли подобие лепёшек.

Русские сначала смотрели на эту пищу с презрением, а потом, пережив первую голодную зиму, перестали кривиться и даже построили несколько собственных складов по местному образцу. Лаптев до сих пор утверждал, что желудёвая каша годится только для наказания провинившихся чиновников, но всякий раз, когда её ставили на стол вместе с мёдом, почему-то съедал две миски.

— А ещё рыба, — продолжил Койо и снова стал загибать пальцы. — Лосось. Мидии. Олень. Семена. Корни. Морская трава.

— Морскую траву тоже пробовали, — сказал Лаптев и страдальчески скривился, словно вкус всё ещё оставался во рту. — Я после неё два дня к человеческой пище особенно уважительно относился.

Койо засмеялся, прикрыв рот ладонью, а Чириков с интересом посмотрел на губернатора.

— Значит, всё-таки ел? — спросил он, прищурившись.

— Я губернатор. Мне положено страдать за народ, — с достоинством ответил Лаптев, расправляя плечи.

На самом деле отношения с кашайя были одним из немногих дел, которыми губернатор мог искренне гордиться. Русские не пытались загонять местных в церковь силой, не отбирали деревни и, по прямому петровскому указу, землю занимали только после договора с местными общинами.

Бумага, конечно, для кашайя значила куда меньше слова и обмена дарами, поэтому каждый договор сопровождался тем, что понятно было обеим сторонам: подарками, совместным пиром, передачей железных топоров, ножей, тканей, бус и оружия тем, кому дозволялось его иметь. Лаптев быстро понял, что попытка экономить на подарках обходится потом дороже, поэтому всякий раз лично проверял, чтобы в ящиках не оказалось ржавых ножей или ткани хуже той, которую русские оставляли себе.

В ответ местные разрешали рубить лес на определённых участках, пасти скот, прокладывать дороги и строить небольшие остроги. Некоторые нанимались на работу за железо, ткань и серебро. Другие торговали рыбой, солью, корзинами и дичью. Особым спросом у русских пользовались местные плетёные корзины — настолько плотные, что в некоторых можно было носить воду, а в других даже готовили пищу, бросая внутрь раскалённые камни. Один приказчик уже пытался наладить отправку таких корзин в Россию, уверяя, что петербургские дамы непременно объявят их модными, если только достаточно дорого назначить цену.

— Их бы в Петербург отправлять, — сказал как-то тот приказчик, потирая ладони и уже мысленно подсчитывая барыш. — Дамы покупать станут.

— Чтобы воду носить? — не понял Лаптев и даже перестал подписывать бумагу.

— Зачем воду? Скажем, мода, — ответил приказчик и посмотрел на него так, будто губернатор не понимал самых простых вещей.

После этого Лаптев окончательно убедился, что торговля — занятие, разуму не всегда подчиняющееся.

Койо ушёл дальше, а Чириков ещё несколько секунд смотрел ему вслед. Капитан умел внимательно смотреть на людей, особенно если не понимал их до конца: не таращился, не задавал сразу десяток вопросов, а будто складывал человека по мелочам — как тот держит плечи, куда смотрит, как реагирует на шутку.

— Они вас любят? — спросил Чириков наконец, чуть наклонив голову в сторону уходящего Койо.

— Нет, — сразу ответил Лаптев и неожиданно улыбнулся. — И слава Богу.

Чириков удивлённо повернул голову.

— Любовь от народа к государству — штука опасная, — пояснил губернатор, снова потирая щёку. — Сегодня любят, завтра ненавидят. А вот когда людям с тобой выгоднее, чем без тебя, тогда отношения прочнее. Мы им даём железо, защиту от врагов, лечим кое-кого. Они нам дают еду, проводников, помогают в лесу. И главное — мы стараемся не лезть туда, куда нас не просили, — сказал он и на мгновение замолчал.

Лаптев посмотрел вслед Койо и уже тише добавил:

— Пока стараемся. Но доходят слухи, что против нас начали игру. Потому прошу тебя: поторопи тайных, или как там их сейчас... комиссаров. Пусть отправят толковых. Что-то назревает.

Глава 5

Царьград.

14 мая 1727 года.

Я уже вовсю стремился отправиться обратно в Петербург. А то еще сочтет кто-то, что царь не собирается возвращаться. Не знаю даже кто может, но как история учит, всегда найдутся смутьяны, еще и бунт учинят.

Не могу сказать, что Царьград мне не нравился. Было в нём что-то и русское — по крайней мере православное, особенно теперь, когда над городом всё чаще звонили колокола христианских храмов, а возле Святой Софии уже не таились люди, осеняя себя крестом.

Было в нём величие, заставлявшее иногда останавливаться посреди галереи Топкапы и просто смотреть на Босфор, на сотни парусов, на серо-голубую воду и далёкие берега Азии.

И было ещё то, что никогда не заставит меня пожалеть о том, что я взял этот город. Все русские солдаты, сложившие здесь головы, будут увековечены.

Уже создавались братские могилы, над которыми должны были поставить настоящие памятники — лучшие, какие только смогут предложить мои скульпторы. А если захотят поучаствовать в конкурсе иностранцы, то и пусть. Мне было безразлично, на каком языке говорит человек, который умеет работать с камнем, если после его работы мать погибшего солдата сможет посмотреть на памятник и понять: её сына здесь не забыли.

Сам же Царьград оставался городом контрастов. Днём на его улицах шумели рынки, у причалов кричали грузчики, пахло рыбой, специями, поднявшимся в цене в несколько раз, еще пахло дымом, морем. Ночью всё менялось.

Иногда издалека доносился одиночный выстрел, потом ещё один, а утром на мой стол ложилась сводка: там зарезали бывшего янычара, здесь кто-то свёл старые счёты с армянским купцом, в другом квартале христианская семья решила припомнить соседям то, что произошло едва ли не при дедах.

Железный порядок, который наводил Христофор Антонович Миних, уже унёс жизни немалого числа горожан, виновных в таких расплатах за былое. Не хотелось крови, но вмешиваться в каждое его решение я не собирался.

Кто кого убил и за что, выяснялось здесь удивительно быстро. Все обо всём знали, а нынешние убийства порой были лишь последними отголосками обид, уходивших корнями настолько глубоко, что проще было найти монету времён Юстиниана, чем определить, кто начал вражду.

Однако это не означало, что я не держал руку на пульсе. Миних приходил ко мне с докладом раз в два дня. Возможно, приходил бы чаще, но я сам не хотел отвлекать его от дел. Знал: все службы на некоторое время переставали работать с людьми, а начинали работать на бумаге.

Христофор Антонович к аудиенции со мной готовился основательно, будоражил подчинённые службы, требовал самые свежие цифры и составлял свои аналитические записки. Писал он каким-то канцелярским, почти инженерным языком, словно не людьми управлял, а проектировал крепостной вал. Но меня это устраивало. Важнее была суть.

Мы сидели в одной из больших палат бывшего султанского дворца Топкапы. Даже после нескольких недель пребывания здесь я всё ещё временами ловил себя на мысли, что окружающая роскошь кажется декорацией к спектаклю.

Высокий потолок был расписан растительными узорами и золотом, стены покрывала синяя и белая изразцовая плитка, между окнами висели тяжёлые ткани, часть которых я уже приказал снять: не люблю, когда помещение похоже на дорогой сундук.

Через раскрытые окна тянуло морским воздухом, но жара всё равно держалась под сводами, словно запертая там вместе с запахом дерева, воска и нагретого камня. За окнами шеле-

стели кипарисы, и временами слышался крик павлина, оставшегося во дворцовых садах от прежних хозяев. Отвратительно самодовольная птица. Похож на придворного, только честнее, не поет сладкие песни, как чиновник у трона, а орет благим матом, как боцман на корабле.

Я обвел всех собравшихся взглядом.

— Начинайте, Христофор Антонович, – сказал я, открывая свой ежедневник для записи, и беря в руку самопишущую ручку.

— Ваше Императорское Величество, изволите сперва услышать хорошее или дурное? — спросил меня генерал-губернатор Миних, раскрыв перед собой папку и позволив себе едва заметную улыбку.

Я посмотрел на него с удивлением. Вот уж чего не ожидал — шутливого начала от человека, у которого даже хорошее настроение обычно выглядело как слегка ослабленная строевая стойка.

— Я не узнаю тебя, Христофор Антонович, — сказал я и начал снимать камзол, который явно был надет не по сезону. — Неужто и ты способен порой себя повеселить и отступиться от своей извечной серьёзности и хмурого лика?

На улице стояла жара, хотя был всего лишь май. Может, я просто ещё не привык к югу, но находиться в камзоле было, мягко говоря, не слишком приятно. Даже при раскрытых настежь окнах по спине стекал пот, а ворот рубахи уже прилип к шее.

— Прошу простить меня, Ваше Императорское Величество, — ответил Миних и слегка склонил голову, мгновенно возвращаясь к привычной сухости. — Подсчитали прибыль, кою заполучили вы и Российская империя.

Я подался вперёд, уже почти забыв про жару.

— Ну? Говори! – потребовал я.

— Немного времени, ваше величество, нынче же... бумага...

Мы взяли казну султана. И не сказать, чтобы я был особенно доволен тем, что получили от взятия Царьграда. Казна – это всего-то чуть больше миллиона рублей в наших деньгах. Да, можно было учитывать драгоценности, принадлежавшие безвременно покинувшему этот бренный мир османскому султану. Можно было добавить имущество его наследника, также совершенно случайно умершего. Надо же... напоролся на нож. Несколько раз. Бывает.

Провели и ревизию гарема. У тех наложниц султанов, которые были убиты или умерли, забрали драгоценности, золото, дорогие ткани.

Как результат: несколько складов дворцового комплекса оказались забиты шелками, коврами, оружием, посудой и прочими товарами, которые ещё требовалось продать. В целом можно было говорить примерно о двух миллионах рублей со дворца. Если бы я в прошлой жизни не был аудитором, наверное, уже радовался бы и хвалил себя за то, что война с Османской империей почти вышла нам в ноль.

Но я любил цифры и одновременно их ненавидел. Особенно тогда, когда они не позволяли вдоволь насладиться победой. Получалось, что, несмотря на взятие Царьграда, разгром основной турецкой группировки на Дунае и начавшуюся ликвидацию очагов сопротивления, расходы продолжали расти. А прибыли и нет, казна взятая не покрывает.

И это несмотря на то, что много, очень много турок и в том мы не препятствовали, рванули на азиатскую часть бывшей страны. Наивные, конечно, если рассчитывают отбиться от нас и сохранить государственность, хоть близко схожей с прежней.

Но турки ещё держались в укреплённых районах, в горах, в отдельных городах, и кое-где сопротивлялись ожесточённо. Это тоже были деньги. Армия ела ежедневно. Лошади ели ещё больше. Порох сгорал, ядра терялись, сапоги рвались, мосты приходилось восстанавливать. Так что на войну мы потратили около трёх миллионов рублей, продолжаем тратить, а заработали заметно меньше. И это если считать только то, что вообще можно было посчитать.

— Я жду от тебя цифр, — потребовал я от Миниха и нетерпеливо постучал пальцами по столу.

— Нынче же, Ваше Императорское Величество, — ответил генерал-губернатор, не поднимая глаз, и стал раскладывать бумаги из папки. — Вот, если будет угодно вашему величеству ознакомиться. Тут составлена смета.

Через несколько секунд для меня действительно перестало существовать всё остальное. Только цифры и их анализ. Смета была составлена аккуратно, в любимых мной таблицах, почти так, как это могли бы сделать в будущем, но совершенно не было принято в этом мире до моего появления.

Дома многих вельмож, отдельные полковые казны бывшего константинопольского гарнизона, имущество чиновников — всё было описано, оценено по примерным ценам, причём с некоторым занижением, что позволяло смотреть на общую картину без излишнего оптимизма.

И в этом весь Миних. Другой руководитель кричал бы о триумфе, тем самым выпрашивая себе награды, похвалы и продвижения. Миних – нет. Он занизит ожидания, чтобы потом было лучше, чем рассчитывали. Хорошо ли это? Не всегда.

— Вот, господа, — сказал я в какой-то момент, подняв голову и обведя присутствующих взглядом. — Сия бумага говорит о том, что случается с державой, когда чиновники, служащие ей, много воруют.

Я потряс листком в руке, но улыбку сдержать не смог. В Османской империи были свои Меньшиковы, которые столь же изощрённо обкрадывали государство. Чего стоила одна строка, где значилось имущество бывшего начальника портовой таможни.

Чиновник, который формально не относился к высшей элите империи, за время службы нажил состояние примерно в шестьсот пятьдесят тысяч рублей на наши деньги. Один человек. Этого хватило бы, чтобы немалое время содержать русский корпус, который предполагалось держать в Голштинии.

Дом одного из прежних визирей тоже оказался набит драгоценностями. Чего стоили хотя бы золотые канделябры венецианской работы, которые сейчас лежали где-то в опечатанном складе рядом с коврами, серебряной посудой и коробками с драгоценными камнями.

— Теперь я чуть больше доверяю тем турецким вельможам, которые выразили желание мне служить, — сказал я и усмехнулся, отложив лист. — Коли у них такие состояния, то будут сидеть над ними, как сороки над блестящим добром, и служить хоть чёрту. Лишь бы тот не тряс их мошну.

Миних позволил себе короткую улыбку. Чеботарь хмыкнул, адмирал Змаевич слегка качнул головой, а фельдмаршал Матюшкин улыбнулся уже откровенно. Моя несравненная супруга Мария сидела немного поодаль у открытого окна и тоже улыбнулась, хотя её внимание, как я заметил, больше занимала не коррупция бывших османских чиновников, а прохладный воздух, временами проникавший с Босфора.

Выходило, что у вельмож было награблено состояния куда больше, чем оставалось в султанской казне. Немного не хватало до десяти миллионов рублей. Хотя чему удивляться, если только конфискация имущества Меньшикова после моего появления в этом мире составила больше шести миллионов?

У Долгоруковых оказалось меньше, но три миллиона тоже набралось. Остерман тоже... казалось, что аскет и взяток не берет, а миллионами располагал.

И как бы кто ни говорил, что уровень коррупции в России Петровского времени зашкаливал, он всё равно не мог сравниться с тем, что творилось здесь, в Османской империи. Теперь я это знал точно.

— Копии бумаг этих подготовили? Архивариусу сдали? — спросил я у Миниха, перелистывая бумаги.

— Не сомневайтесь, Ваше Императорское Величество. Всё исполнено так, как предписано уставом о службе, — отрапортовал он и чуть выпрямился.

Каждый важный документ теперь должен был дублироваться. Один экземпляр оставался в местном архиве для служебного пользования, другой отправлялся в Петербург. Я намеренно создавал из документов память государства. Через двадцать, пятьдесят, сто лет никто не должен был спорить, что именно происходило в годы, которые потом, наверное, назовут поздним этапом правления Петра Первого. Пусть спорят о мотивах, но не о цифрах.

— Но, как я понимаю, все эти шелка, драгоценности, золотые канделябры нужно либо продать, либо переплавить, — сказал я и отложил последнюю ведомость. — Половину полученных средств оставите здесь. Вы разберётесь, господин Миних, я вам всецело доверяю. Деньги пойдут не только на нужды Царьграда и всей губернии, но и нашим славянским друзьям. Надобно, чтобы у них не возникало сомнений, кому они обязаны и свободой своей, и тем, что дети их в ближайшее время не станут умирать с голода.

Сказал и сам себе не поверил. Словно не мои слова. Раньше я бы не радовался подобным суммам, потому что понимал, да и сейчас прекрасно понимал: наличие серебра, золота и шелков ещё не означает, что мы сможем накормить население Царьграда, которое уже начинало испытывать серьёзные трудности с продовольствием. Можно владеть золотым подсвечником стоимостью в целое состояние и умереть рядом с ним от голода. Золото не едят.

— Между тем, Ваше Императорское Величество, я благодарю вас, что вы не разделяете всецелой радости от полученных средств и ресурсов, — строго, по-военному, продолжил Миних.

Улыбка с его лица давно исчезла. Да и вообще улыбка на нём всегда казалась чем-то случайным, словно человеческая эмоция по ошибке пробралась на лицо фортификатора. Сколько ни смотри на Христофора Антоновича, никогда не поймёшь, радуется он, огорчён или просто мысленно рассчитывает толщину стены.

— Продовольствие взять попросту неоткуда, — продолжил он, положив обе ладони на стол. — Австрийская империя сейчас не способна торговать с нами так, чтобы насытить Сербию, Боснию, греков и всех тех, кто готов давать присягу и клятву верноподданничества вашему величеству. У нас продовольствие оседает в Крыму и Причерноморью. Что-то можно брать и в России, но не много.

— Я так понимаю, только Крым и Южная Европа могут нам помочь? — спросил я, потирая висок. — Что Венеция? Неаполь? Северная Италия? Испания? Готовы продавать нам зерно и иные припасы в достаточных количествах?

Спросил в надежде, может Миних видит ситуацию несколько иначе. Но я уже знал ответ. Нет – не будут они нам продавать ничего.

Если бы международная обстановка оставалась спокойной, торговцы с удовольствием продали бы нам всё, что имели. Дорого, очень дорого, но при нынешнем количестве золота и серебра мы могли бы какое-то время позволить себе покупать хлеб почти по любой цене. Уже сейчас все поля, которые только можно было возделывать под защитой русской армии, начинали пахать и засевать. Но это было поздно. На урожай можно рассчитывать, но его ещё надо дождаться.

А тут ещё Испания, как мне недавно сообщили и за что я собирался сегодня устроить разнос представителю Министерства иностранных дел, что тот не узнал вовремя намерения испанцев, начала войну с Англией за Гибралтар. Воюющая страна не станет совершать особых глупостей и продавать огромные объёмы продовольствия, необходимого для собственного населения и армии. Армия вообще ест много. Очень много. И при этом обладает крайне неприятным свойством — почти никогда не производит еды.

Что касается итальянских полузависимых или полностью зависимых государств, то они вполне справедливо ожидали, что начинающаяся война обязательно коснётся и их. В таких

условиях население начинает прибирать к рукам любую еду, способную храниться, чтобы пережить возможную всеобщую кровавую свалку.

— Адмирал Змаевич, вопрос теперь к тебе, — сказал я и повернулся к сербу. — Почему до сих пор турецкий Средиземноморский флот существует?

Я прямо впился взглядом в адмирала на русской службе. Он буквально вчера прибыл в Царьград и выглядел уставшим после дороги. Змаевич степенно поднялся, поправил пояс, посмотрел на меня, словно пытался понять, насколько сильно я прямо сейчас намерен гневаться.

Нормально всё. Сильно ругать не стану. Флот и так работал на пределе возможностей.

— Турки не дали нам генерального сражения, Ваше Величество, — начал адмирал, подбирая слова осторожнее обычного. — Мы смогли потопить пока только два их линейных корабля и один фрегат. Захватили четыре галеры... Люто сражались, один линейный корабль взорвали, когда абордажники уже зачистили палубу.

Змаевич замолчал. Я подождал. Он тоже.

— Ошибаться можно. Врать нельзя, — сказал я наконец и опёрся ладонями о стол. — Прозевали турок? Не рассчитывали, что после взятия Царьграда они ещё смогут хоть как-то действовать на море?

— Ваше Величество, безусловно, правы, — признал адмирал и склонил голову. — Не ожидали столь быстрого рассеяния их сил. И предполагали, что без столицы и снабжения флот рассыплется скорее.

— Долго расспрашивать не стану, почему и как, — ответил я уже спокойнее. — Завтра у меня на столе должна лежать обстоятельная записка о том, как вы намерены исправить положение. Прямо сейчас в Москве идёт собрание купцов, на котором канцлер Неплюев должен заставить их торговать морем. Наша же задача — обеспечить безопасное судоходство. Насколько я понимаю, до этого пока далеко.

Змаевич кивнул и на мгновение сжал губы.

— Есть предложение разделить флот, Ваше Величество, — сказал он. — Галерами закрыть подходы к островам, где турецкие корабли могли бы устроить базы. Крупным кораблям оставить поиск главных сил и прикрытие торговых путей.

С этими словами он посмотрел в сторону Матюшкина.

Фельдмаршал вёл себя несколько высокомерно. Нос задрал высоко, сидел вальяжно. Получил законную похвалу и лавровый листок на голову. Всё же победил! Только у этого товарища теперь было проблем выше крыши, и многие из них он ещё не начал решать просто потому, что задачи были совершенно новыми для русской армии.

— И у тебя, адмирал, и у тебя, фельдмаршал, главная проблема одна: разрозненные отряды, — сказал я и перевёл взгляд с одного на другого. — Турки уходят в леса, в горы, прячутся в городах. Организуются, причём стихийно. Тайная канцелярия утверждает, что европейские государства пока за этим не стоят. Всё происходит само.

Я налил себе апельсинового сока, сделал несколько глотков и поморщился от кислоты. Напиток был прохладным, но кислым до сведения скул. Мария краем глаза заметила мою гримасу и едва заметно улыбнулась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.